

КАК ОТЕЦ ОТНЕСЯ К ВАШЕМУ ПОСТУПЛЕНИЮ ВО ВГИК И КАК ОЦЕНИЛ ВАШИ РАБОТЫ В КИНО?

Денис: Отец не был против, когда я решил поступать во ВГИК. Он был счастлив. Главное для него, что я не пошел в актеры, а выбрал профессию оператора. Он ее очень любил, потому как сам был страстным кинолюбителем. Что касается моих работ, то он видел только те картины, на которых я работал не как режиссер, а как оператор.

Тигран: К моему поступлению во ВГИК папа хорошо отнесся. Отговаривал, пока мог отговаривать. А потом перестал это делать, потому что понял — бессмысленно. К несчастью, он не застал тех работ, за которые мне было бы не стыдно. Но в общем он был доброжелателен к моим потугам.

КУДА ВЫ ЛЮБИЛИ ХОДИТЬ С ОТЦОМ?

Денис: Мне многие говорят, что отец любил ходить на футбол. Этого я не помню. Мы с ним никогда не ходили на стадион. Наоборот, я несколько раз посещал матчи с мамой. Но это были всегда громкие события: например, «Прощание с Яшиным» и т.д. А с отцом мы навещали его друзей. Они выпивали, сидели, разговаривали, а я был рядом. Просто я — театральный ребенок, все время бегал за кулисами. И поэтому зоопарки, кафе-мороженое были для меня там, в коридорах театра.

Давид: Я у него сидел и на съемках, и на монтаже. С ним было очень интересно: все вокруг знакомые, друзья. До отъезда в Индию я с ним очень плотно общался, а потом, наверное, больше — Тигран. Я вернулся в 92-м, а в 94-м папы не стало.

Тигран: Папа со мной ходил, я так понимаю, по местам своей «боевой славы». Наши любимые места были: «Арагви», Дом кино. Пока мы с братом были маленькими, ездили с папой в Болшево, в Дом творчества. Было здорово.

ЕСТЬ ВЕЩИ, О КОТОРЫХ ВЫ НЕ СКАЗАЛИ ОТЦУ И ТЕПЕРЬ ЖАЛЕЕТЕ ОБ ЭТОМ?

Денис: Я жалею немножко... Нет, «жалею» — это неправильное слово. Отец скончался, когда я еще не снимал свои картины, он их не видел. Просто незадолго до его кончины у нас с ним сложились достаточно неформальные, теплые отношения. Он стал более теплым, более сентиментальным. Всегда чудовищно, когда человек умирает в таком, не старом возрасте. Он не дожил — это понятно.

Давид: Много таких вещей, потому что все самое хорошее, что на сегодняшний день нам с Тиграном, и мне в частности, удалось сделать, папа не видел. Он, конечно, поторопился уйти. Можно было подождать и посмотреть, что из нас вышло.

Тигран: Я очень жалею, что редко заезжал к нему домой, когда уже жил отдельно.

ТЯЖЕЛО БЫТЬ СЫНОМ ЗНАМЕНИТОГО ОТЦА?

Денис: Конечно, тяжело. В молодости — особенно. Когда мне было лет 17, то у меня из-за отца такие страшные комплексы были. Я скрывал, кто мой отец, кто моя мать. Помню, папа меня подвозил к институту, и я просил его за два километра остановиться, чтобы меня с ним никто не увидел. Когда меня гаишники спрашивали, сын ли я Евстигнеева, я отвечал: «Нет». Глупости, конечно, — юношеский максимализм. А сейчас мне приятно. В эти юбилейные дни мне очень многие звонят, и ничего, кроме теплых чувств, у меня это не вызывает.

Давид: Это ответственно. Когда папа жив-здоров, то у тебя постоянное желание доказать, что ты уже самостоятельный, все можешь сам. А когда его вдруг не стало, то я осознал, что не нужно было куда-то рваться. Был бы он еще рядом, помогал и советовал. Хочется вернуть это ощущение, что рядом с тобой есть отец.

Тигран: Мы жили в другое время. Да, мы знали, что папа снял кино, очень популярное и любимое. Но у нас дома не поощрялось считать себя или отца какими-то особенными. Просто его очень уважали и очень любили. И очень жалко, что это закончилось так быстро.